

Экран и сцена. — 1999. — дек. (№ 51). — с. 12-13

Хэмфри Богарт:

Хэмфри Богарт часто жаловался, что мама надула его с днем рождения — он появился на свет 25 декабря, на Рождество. У него никогда не было "своего" дня рождения — в этот день праздновалось рождение Иисуса. Заодно, конечно, поднимали тост и за "старину Хэмфри". 25 декабря 1999 года Хэмфри Богарту исполняется 100 лет. Достойный повод вспомнить о нем — не как о звезде, а как о человеке.

Однажды в присутствии Хэмфри Богарта муж Джуди Гарланд, Сид Люфт, хвастался новым роллс-ройсом и уверял, что теперь он наконец-то "обрел настоящий класс".

"Настоящий класс не купить и не обрести, — сказал ему Богарт. — С ним можно только родиться. Я с ним родился. Ты — нет".

Богарт вырос в семье, принадлежавшей к высшему обществу Нью-Йорка. Его отец был американцем в третьем поколении, известным врачом. Мать в молодости изучала живопись в Париже, принимала участие в движении суфражисток и к 30 годам стала одним из самых популярных иллюстраторов в американских журналах.

Отец хотел, чтобы Хэмфри стал хирургом. Мать не особенно задумывалась о будущем сына, но зато охотно исползовала его в качестве натурщика. Хэмфри не было и года, когда его физиономия появилась на коробке "Самой вкусной детской каши фирмы Меллинз".

"Меня воспитывали без сантиментов, — вспоминал впоследствии Богарт. — В нашей семье поцелуй был большим событием. Мною и моими сестрами в основном занимались слуги. Я не могу сказать, что любил мать — я ее уважал. Став взрослым, я всегда отправлял ей цветы на День матери".

Родители часто ссорились из-за денег. Доктор Богарт все больше времени проводил на охоте и рыбалке, куда охотно брал сына. Только в 14 лет Хэмфри отдал учиться — его записали в престижную школу Trinity для юных джентльменов. Через два года его вышибли оттуда за неджентльменское поведение — в частности, за игру с заряженным пистолетом, в результате которой Хэмфри был ранен в руку. Затем юного возмутителя спокойствия записали в академию Phillips, в коей его должны были подготовить к учебе в Йельском университете. Из академии Хэмфри выгнали через год — за хроническую неуспеваемость и нежелание подчиняться учителям. Позже Богарт рассказывал, как он однажды развел костер в классе и окунул профессора в бассейн, и прочие байки, подтверждения коим биографы не нашли.

Вернувшись домой, 18-летний оболтус решил записаться в армию. Он попал на флот и еще во время обучения в тренировочном лагере начал затяжную войну с начальством, которое продержало его на гауптвахте большую часть времени, отведенного на строевую подготовку.

Став матросом на корабле "Левиафан", Богарт несколько раз попадал в серьезные переделки. Однажды корабль был обстрелян немецкой подлодкой, и отлетевшая от взрыва щепка рассекла верхнюю губу Богарта. Корабельный врач искусно залатал рану, но нерв был поврежден, и губа осталась частично парализована. Репортеры, упрекавшие Богарта за неулыбчивость, и французские кинокритики, певшие ему дифирамбы по той же причине, вряд ли знали о подоплеке этой неулыбчивости.

Вернувшись в 1920 году на гражданку, Богарт перепробовал десят-

ки профессий, пока, наконец, школьный приятель Билл Брэди не рекомендовал его своему отцу — театральному актеру и продюсеру, затевавшему в то время производство фильмов. Его взяли работать "на подхвате" и вскоре попытались сделать режиссером. Попытка с треском провалилась: новоиспеченный постановщик вообще не представлял себе, что он должен делать. Затем Богарт попытался стать сценаристом: ходил в богемные кафе Гринвич-вилледж и сидел с умным видом над раскрытым блокнотом. Высиженный таким образом сценарий попал прямиком в корзину, и тогда Богарт переключился на работу администратора сцены.

В его обязанности входило следить за своевременной перестановкой декораций, перемены костюмов и дублировать всех исполнителей мужских ролей. Когда во время репетиций один из актеров заболел, Богарту пришлось выйти вместо него на сцену и подавать реплики накануне премьеры.

"Это было ужасно, — вспоминал он впоследствии. — К этому времени я уже знал наизусть весь текст — но стоило мне посмотреть в черную пустоту зала, как все вылетело у меня из головы".

К счастью, в тот раз дальше репетиций дело не пошло. Но пришел день, когда Брэди-старший все-таки выпихнул своего администратора на подмостки.

Вот как это произошло. Брэди не любил длинных перерывов между действиями — он предпочитал заканчивать спектакли побыстрее. Однажды нетерпеливый продюсер самовольно поднял занавес, когда рабочие заканчивали передвигать мебель. Богарт попытался опустить занавес, но получил от Брэди пинка под зад. Он сквитался с боссом уже в следующем акте: поднял занавес, когда Брэди давал на сцене последние указания своим актерам. Действие пьесы происходило в Манчурии, в баре, где белым был только бармен, а все остальные были загримированы под аборигенов — все, кроме Брэди, который явно был чужеродным элементом в мизансцене.

Брэди не растерялся — недаром он был актером. Громким голосом он попросил сигареты; актер, игравший бармена, протянул ему пачку из собственного кармана; Брэди бросил на прилавок монетку и вышел. Оказавшись за кулисами, он первым делом объявил Богарту, что тот уволен, но потом передумал и сказал, что будет делать из этого соплива человека. И начал давать ему роли — сначала "кушать подано", потом побольше. Он нещадно терзал новоиспеченного актера, добиваясь четкости произношения и раскованного поведения на сцене.

Вскоре Богарт стал дежурным исполнителем ролей романтических подростков. Сам он называл такие роли "пошли играть в теннис". Автор выводит на сцену пятерых или шестерых героев и ему в какой-то момент нужно оставить влюбленных наедине, — объяснял он впоследствии. — Менять декорации — дело хлопотное, продюсеры этого не любят. Поэтому в пьесу вводится парнишка, в нужный момент выходящий на сцену с ракеткой и увлекающий за собой персонажей, от которых автору нужно избавиться".

Долгое время Богарт довольно

скептически относился к идее стать актером и чередовал лицедейство с работой администратором сцены. В 1926 году он женился на актрисе Хелен Менкен, она была на 4 года его старше и намного знаменитее. Их брак с самого начала не сложился: супруги ссорились даже по поводу таких пустяков, как меню любимой собачки: кормить ли ее икрой или ограничиться сосисками. Через пару месяцев Богарт отправился в Чикаго на гастроли, а когда вернулся, Менкен предложили роль в лондонской постановке, и она отбыла за океан. По ее возвращении в Нью-Йорк они развелись. Через год Богарт женился на другой актрисе, Мэри Филлипс, и, казалось бы, их брак складывался счастливо, но грянувший в 1929 году Великий Кризис подорвал театральный бизнес, и Богарт решил попробовать силы в кино, подписав контракт с кинокомпанией Fox. Мэри отказалась последовать за ним в Голливуд.

Богарт провел в Лос-Анджелесе 16 месяцев. Он сыграл множество эпизодических и полупрофессиональных ролей, но основной его работой была помощь актерам немого кино в освоении азоров правильной дикции. Затем чиновники с Fox, сочтя молодого актера недостаточно сексапильным, решили не продлевать контракт. Голливуд еще незрел до Богарта.

Вернувшись в Нью-Йорк, он обнаружил, что Мэри в его отсутствие нашла себе нового мужчину, а театральные агенты и продюсеры начисто забыли его имя. С огромным трудом Богарт смог получить пару ролей в пьесах, бесславно сошедших с подмостков после всего нескольких представлений. К 1934 году он обнищал до такой степени, что в качестве приработка играл в шахматы на деньги (по доллару за партию). В сентябре 1934 года его оторвали от очередного матча сообщением о смерти отца, который оставил около 10 тысяч долларов долгов.

Казалось, 1934 год окончательно поставит крест на жизни и карьере Богарта. Но судьба распорядилась так, чтобы, достигнув дна, он оттолкнулся и стремительно взлетел на поверхность.

В конце года Богарт пошел на пробы в пьесу "Окаменевший лес" на роль гангстера. Он давно уже отказался от соблюдения амплуа роман-

тического героя и ходил на любые актерские прослушивания, какие только проводились в городе. Автор пьесы Роберт Шервуд, увидев на сцене Богарта, заявил, что ему нечего делать в роли гангстера, но исполнитель главной роли Лесли Хоуард, едва услышав сардонические интонации Богарта, заявил, что не будет играть с другим актером. "Это тот самый человек, который здесь нужен!"

"Окаменевший лес" с огромным успехом прошел на сцене, и когда стало известно, что Голливуд покупает права на экранизацию вместе с Лесли Хоуардом, тот пообещал Богарту, что без него сниматься в фильме не будет.

Затем в прессе объявили, что на роль гангстера назначен Эдвард Дж. Робинсон. Расстроенный Богарт долго колебался, прежде чем решил позвонить Хоуарду в Шотландию, где тот отдыхал в перерыве между съемками. В тот же день на кинокомпанию Warner пришла телеграмма-ультиматум от Хоуарда: либо они берут Богарта, либо Хоуард выбывает из проекта. В отличие от контрактных киноактеров, театральные лица Хоуард мог позволить себе роскошь диктовать студиям свои условия.

"Если бы не он, я бы так и остался в Нью-Йорке на вторых ролях", — говорил впоследствии Богарт, который назвал свою дочь Лесли в честь Хоуарда. Но даже при такой железобетонной протекции чиновники мучили Богарта несколько недель и заставили сделать в общей сложности 15 кинопроб, прежде чем с ним подписали контракт.

По выходе фильма Богарт стал любимым гангстером-психопатом на Warner. В следующие пять лет он снялся в десятке фильмов и во всех ему пришлось носить яркие дешевые галстуки, размахивать пистолетом, произносить реплики типа: "Одно движение — и я стреляю" и эффектно погибать в финале.

Несмотря на отрицательный киноимидж, Богарт мгновенно стал любимцем таблоидов (и головной болью отдела рекламы Warner), ибо на любой пресс-конференции с ходу сочинял умопомрачительные истории про себя и свою бурную жизнь. Газетчики с упоением муссировали рассказы о том, как Богарт унаследовал во Франции железнодорож-

ную станцию; как играл на дудочке в ковбойском оркестре; как провел две недели в тюрьме для подготовки к роли. Ох, зря он не продолжил свои сценарные опыты!

На личном фронте нашего героя в очередной раз грянули перемены. Он стал встречаться с красавицей-блондинкой Мэйо Метто, несостоявшейся актрисой; в 1938 году женился в третий раз и начал оттачивать технику супружеских ссор с новой партнершей. Вскоре супруги стали величать не иначе как "бурные Богарты". Их приятель вспоминал, как однажды после громкой ссоры в присутствии гостей Мэйо заперлась в спальне, а Богарт, поугоривав ее "не смешить людей", в конце концов рассвирепел и вышиб дверь плечом.

"Как же вы теперь будете жить без двери в спальне?" — любопытно спросил приятель. Богарт заговорщически подмигнул и повел его в подвал, где перед взором изумленного гостя предстали штабеля дверей, оконных стекол и рам, ящики с дверными ручками и прочими аксессуарами домашних поединков.

Не исключено, что эту историю Богарт разыграл как продолжение своих баек для почтеннейшей публики, заранее зная, что она попадет в печать. Многие друзья Богарта были свидетелями того, как Мэйо в разгар ссоры швыряла в Богарта свой бокал. Он никогда не пригибался, объясняя гостям, что любит "опасный стиль жизни"; однако друзья этой четы предлагали более прозаичное объяснение: близорукая Мэйо была неспособна на прицельный бросок.

Репортеры, со смаком описывавшие ссоры в семье Богартов, не знали о настоящих инцидентах, которые время от времени потрясали их дом. Однажды патологически ревнивая Мэйо пыталась заколоть мужа кухонным ножом и ранила его в спину; в другой раз она напилась до беспамятства и едва не спалила дом. Богарт безропотно терпел выходки жены. "Она — актриса, — объяснял он друзьям. — Ей нужно играть. Если не на сцене — значит, в своей гостиной".

В подобных случаях студия Warner Bros. не допускала огласки. Звезды должны быть экстравагантны — но в меру. Зато любовь Богги (так его стали называть к концу 30-х

